

Инесса Беднарчик

ВОСПОМИНАНИЯ

Довоенный Севастополь в моей
памяти

ДОВОЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Я родилась в Севастополе. Он был и остается главным городом моей жизни и до войны, и после, до сегодняшнего дня. Все лучшее, что есть во мне, связано с Севастополем, там прошли мое детство и юность, там была моя первая встреча с моим мужем, там были первые военные экзамены, там могилы самых близких людей. Этот город – самый любимый для всей моей семьи, для детей и внуков. В общем, я всегда вспоминаю родной Севастополь с благодарностью и любовью.

Сегодняшний Севастополь, без сомнения, самый прекрасный и гордый город Крыма, а живущие в нем люди – настоящие патриоты. Но так получилось, что подавляющие большинство из них не знают довоенного Севастополя, многие стали севастопольцами уже после войны.

А я помню дом, в котором я родилась и жила до 5 лет. Он находился в квартале между площадью “Шлагбаум” (сейчас Ушакова) и “Херсонесским мостом” (сейчас ул. Восставших). Там стояли одноэтажные частные дома. Этот квартал улицы поломали и построили жилкомбинат для трудящихся (уродство по сравнению со всеми дореволюционными зданиями в центре города). Может быть, как и современные хрущевки, жилкомбинат был тогда очень нужен, но уж точно он улицу Карла Маркса (теперь Большую Морскую) испортил.

Примерно с трех лет я ходила в так называемый “учительский” детский сад. Хорошо помню, где он находился. Если от главной почты на Большой Морской подняться вверх, до конца, там и стояло красивое здание моего детсада. Теперь этого здания нет. Но есть главное – детсадовская дружба, которая прошла через всю мою жизнь.

Нашу группу зачислили потом в начальную школу № 12, которая находилась в красивом здании на улице Пушкинской, недалеко от милиции. А рядом, в бывшем дворце, находилась школа №8. Этих зданий также уже нет.

У меня сохранилась фотография класса во дворе школы. Учительницу звали Лидия Константиновна, довольно пожилая, но, как и все севастопольские учителя, она подготовила нас для дальнейшей учебы очень хорошо.

А потом нас всем классом перевели в образцовую школу № 3, где директором была красивая и величественная Клавдия Ивановна Кораблева, сумевшая создать прекрасный коллектив учителей. Завучем школы был эрудированный Менандр Павлович Домбров.

До революции в этом здании находилось мужское реальное училище. И само здание было каким-то мужским. Но учебный процесс в школе был на высоком уровне. Сохранились прекрасно оборудованные кабинеты физики, химии, биологии, черчения, которым могут позавидовать и сегодня многие школы. Учителя, в основном, были еще гимназические, умели давать хорошие и прочные знания. Я их очень хорошо помню и благодарна им.

Литературу преподавал Григорий Петрович Костров. Он был уже (для нас) старым человеком, на эмоции и чувства сил у него уже не было. Но он научил нас главному: любви к литературе, желанию читать художественные произведения и писать сочинения.

Я по-доброму вспоминаю Елену Васильевну Шутилову, нашего классного руководителя и учителя биологии. И хотя я этот предмет не очень любила, но таких талантливых учителей биологии я больше не встречала.

Прекрасным учителем географии был Верди. Он в молодости много путешествовал, видел страны Европы своими глазами, увлеченно рассказывал об этом, имел богатейший набор открыток. Его метод работы с контурными картами давал большие результаты.

Обязательно хочу добрым словом вспомнить Вера Романовну Девочка, которая преподавала географию в младших классах. Мне очень приятно, что после войны, уже будучи завгороно, она меня узнала и тепло встретила.

С восторгом вспоминаю мужа Клавдии Ивановны Кораблевой. Он преподавал историю, буквально артистически интересно.

Запомнилась мне Елена Митрофановна Гуревич, учитель химии. Хотя я не очень легко усваивала эту науку, но до сих пор ценю мастерство учителя, умеющего использовать возможности учебного кабинета, чтобы опытным путем помочь ученику постичь тайну химического процесса.

Навсегда я запомнила и уроки физкультуры. Учитель-эстонец, плохо говоривший по-русски, он превращал занятия в радостную закалку организма, и все это проходило под его музыкальное сопровождение на пианино.

Очень по-доброму вспоминаю Менандра Павловича, который преподавал математику. Он видел, что мне – “отличнице” плохо дается этот предмет. Как он помогал, подбадривал! Это был поистине индивидуальный подход к ученику. Но я навсегда запомнила его как руководителя хора, как прекрасного пианиста, как культурного, хорошего человека, поверившего в мои вокальные способности.

Возвращаясь к моему школьному периоду, хочу сказать, что главное – это то, что мы, детсадовцы, и в школе 12 и в школе 3 были очень дружными: Нерминь Акмаева, Люся Швединова, Сережа Собченко, Вера Зеленина...всех не перечислить. Уже многих нет в живых. Погиб в войну Сережа Собченко, погиб героем Жора Гузов, подпольщик Севастополя... А с живыми мы дружим, стараемся друг друга не забывать.

Возвращаясь к воспоминаниям о довоенном Севастополе, я хочу подчеркнуть, что в войну он был совершенно разрушен, и послевоенные жители, практически, не видели его, прежнего.

Я искренно счастлива, что его очень красиво отстроили (но, увы, не восстановили). А в моей памяти он по-прежнему тот, прежний. И идя по улицам города, я вижу не столько сегодняшние дома, а те, что стояли на этом месте, что там было и кто там жил. Строили их

по образцу европейских. Кто был в Вене, в Праге, тот мысленно может представить себе довоенный центр Севастополя, его внешний облик.

На всю жизнь остались в моей памяти Дом Красной армии и флота (ДКАФ), театр Луначарского и другие замечательные здания. На месте магазина “Черноморочка” в многоэтажном доме находился клуб “Пролетарская кузница”, принадлежащий Морскому заводу. На первом этаже находилась балетная студия, руководили которой муж и жена Щербаковы, бывшие солисты Большого театра. Это было настоящее балетное училище: занятия у станка, изучение теории балетного искусства в сочетании с практикой классического балета. Эта студия сыграла большую роль в жизни многих ее воспитанников.

Лично я жила совсем рядом с базаром в Мучном переулке, где, кроме частных домиков, были два хороших клуба: строителей и татарский. Таких переулков “змеек”, спускающихся к морю, было немало. Сейчас они засыпаны и превратились в парки. А на месте моего переулка построена замечательная школа.

И еще я хочу улыбнуться вместе с вами, говоря о транспорте в довоенном Севастополе. До войны основным видом транспорта был трамвай, состоящий из главного вагона и открытого прицепа со скамейками (мы в детстве вскакивали и высаживали из него на ходу, так как ехали “зайцем”).

В городе были две основные линии. Главная шла через три центральные улицы со многими остановками. Сейчас мне даже

смешно назвать эти “расстояния”. Но ведь люди ездили (а я даже мечтала стать кондуктором).

Вторая линия начиналась от института Сеченова, шла вдоль моря к базару, оттуда мимо школы № 4 и выходила к Херсонесскому мосту. Не было ни городских автобусов, ни такси, ни троллейбусов. Много ходили пешком. А на вокзал обычно ехали на “линейках”, около базара стояли извозчики с лошадьми в соломенных шляпах. Конечно, и до войны Севастополь был сравнительно большим городом – за счет “слободок”. Густозаселенные, ухоженные, все в зелени, одноэтажные частные домики. Смотреть на них из города, особенно на Зеленую горку, было очень приятно. Но, как я думаю, у них были большие проблемы: транспорт, вода и.т. д. Как они там жили, не представляю.

А еще, говоря о довоенном Севастополе, я всегда чувствую подлинное значение выражения: дружба народов.

В этом городе русской славы, носителе русской ментальности, русского языка (об этом замечательно писал Лев Толстой) жили люди различных национальностей. Но главный язык, на котором говорили абсолютно все, был русский. Этот язык объединял всех, живущих в Крыму в одну братскую семью.

О ВРАЧАХ ДОВОЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Все люди болеют и без врачей ни у кого не проходит жизнь. Конечно, до войны медицина еще не была на таком высоком уровне, как сегодня. Но, по-моему, Севастополю в этом отношении повезло. Помимо знаменитого Института Сеченова, где работали лучшие врачи города, имеющие высокое медицинское образование, помимо прекрасного санатория рядом с Графской пристанью, помимо поликлиник, в Севастополе было много частных врачей, принимающих пациентов у себя на дому. И, честно говоря, севастопольцы предпочитали лечиться у частных врачей за деньги.

Я хорошо помню фамилии трех частных врачей, которые пользовались особым авторитетом у севастопольцев. Это были Андреев, Браудэ и Либих. Андреев был детским врачом. Жил он возле школы напротив штаба флота. Я, как и все дети, болела часто, и лечил меня Андреев, о котором у меня осталась очень добрая память. После войны я узнала страшную трагедию его семьи. Он был женат на еврейке, очень миловидной и приятной женщине, которую очень любил. Когда пришли немцы и велели всем евреям собраться на стадионе (для их расстрела), доктор Андреев предпочел пойти с ней вместе и погибнуть...

О докторе Браудэ, многопрофильном специалисте, получившем образование за границей, знали буквально все севастопольцы. И я его очень хорошо помню: маленького роста,

полненький, приветливый и очень симпатичный мужчина. Жил он на улице Ленина, где-то в середине ее, на правой стороне, где был ДКАФ. Это была маленькая квартира, с маленьким коридором, где сидели ожидающие приема больные. В сложных случаях Браудэ вызывали на дом.

Был еще хирург Либих. Его я вспоминаю с особой благодарностью, потому что он буквально спас мне жизнь. Мне было около 11 лет и у меня начал болеть живот. Маленькую девочку пичкали какими-то таблетками. И вот, когда мне стало совсем плохо, меня положили в больницу и вызвали доктора Либиха. Он определил у меня серьезное заболевание и решился на уникальную операцию, которую блестяще провел. Посмотреть на результат этой уникальной операции пришли все хирурги города. Так Либих спас мне жизнь и дал возможность рожать детей. Как же мне после этого не уважать профессию врача?

Прошли годы и в моей семье появился свой врач-невропатолог Наталья, жена моего младшего сына. Она из семьи севастопольских врачей Романович.

КАК ПОЛИНА ЖЕМЧУЖИНА СПАСЛА МОЮ МАМУ

Всегда с благодарностью вспоминаю Полину Семеновну Жемчужину – жену сталинского наркома В.М. Молотова. И не просто так, а потому что ее добрая рука коснулась моей судьбы...

Это случилось в печально знаменитом 1937 году, и жила я тогда в Севастополе. Мою маму, Ревекку Осиповну Айзендорф и ее

родную сестру Ханну Осиповну Карповскую обвинили в сокрытии своего “капиталистического происхождения”. Тетю исключили из партии, а маме угрожали увольнением с должности директора школы со всеми вытекающими отсюда последствиями…

И мама, и тетя – дочери бедного еврейского сапожника, чинившего обувь жителям нескольких сел на юге Украины в районе Большого Токмака. Ходил он в эти села пешком и однажды по дороге был убит и ограблен. Откуда и у кого в Севастополе появилась версия о том, что этот сапожник был крупным фабрикантом, нам было неизвестно, и как доказать, что это наговор, мы не знали.

И тогда мама обратилась за помощью к Полине Жемчужной.

Теперь я попробую объяснить, почему именно к ней.

За несколько лет до начала Первой мировой войны моя тетя Аня (Шейнкер) вышла замуж за Исаака Карповского. В семье Карповских было несколько братьев, в том числе и Семен. Исаак погиб в Первую мировую, оставив дочь Фейгу и сына Соломона. А у его брата Семена родилась дочь Перл, ставшая впоследствии Полиной Жемчужиной.

Моя двоюродная сестра Фейга (Феня) после окончания техникума в Севастополе поехала в Москву и была очень по-родственному принята Полиной Семеновной. Она помогла сестре и с устройством на работу, и с жильем. Я очень хорошо помню рассказы сестры о широкой душе Полины Семеновны, о ее доброте, заботе о всех своих родственниках. Она называла мою двоюродную сестру красавицей и гордилась ею.

Вот поэтому моя мама и обратилась к ней за помощью.

Как передали Полине Семеновне эту просьбу в Ялту, где она отдыхала, я не знаю. Но очень хорошо помню ее кратковременный визит к нам, ее “разгромный” звонок в горком партии – и все решилось за одну секунду... Тетю Аню восстановили в партии, а мама спокойно продолжила работать.

До конца моей жизни я буду хранить эти детские (мне было 12 лет) воспоминания об этой умной, доброй и благородной женщине.

СЕВАСТОПОЛЬ. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Я принадлежу к поколению севастопольцев, которые до сих пор здраво помнят, как началась Великая Отечественная война. Нам тогда было 16-17 лет, и мы закончили 9-ый класс средней школы. Я училась в школе № 3, а 21 июня в 6 часов вечера должно было состояться родительское собрание. Но так как моя мама была директором вечерней школы для взрослых и не могла быть на собрании, то я сама пошла туда, чтобы получить похвальную грамоту за отличную учебу.

Настроение в этот день было прекрасным, оптимистичным и не только у школьников. В этот вечер в связи с успешным окончанием очередных учений Черноморского флота в ДКАФе (Доме Красной Армии и флота) проводилось торжественное заседание командного состава. У всех севастопольцев было приподнятое настроение, и даже крест-накрест заклеенные бумажными полосками окна во всех домах города (как всегда во

время военных учений) не омрачали торжество. И вдруг, в 4 часа утра нас разбудил сильнейший взрыв.

Не понимая в чем дело, мы с мамой (как и все жители Севастополя) выбежали на улицу и, думая, что почему-то продолжились учения, смотрели на небо, где летали какие-то самолеты. Это были немецкие самолеты, сбросившие в тот день на город несколько мин. Мы жили в районе базара, на Мучной, и одна из мин взорвалась совсем недалеко от нас, угодив в жилой дом. Потом послышался взрыв в районе Приморского бульвара. Только утром мы узнали, что началась война...

Говорить о том, что мы не были готовы к войне, - неправда. Нас в школе готовили к этому и идеально, и физически, и практически. Нашим, если можно сказать гимном тогда была песня “ Если завтра война... ”. И мы были уверены, что “ если темные силы нагрянут, как один человек, весь советский народ за любимую Родину встанет“.

Нас учили стрелять. В подвале нашей школы был тир, и в результате мы сдавали на значок “Юный Ворошиловский стрелок“.

Не раз мы должны были совершить марш-бросок в противогазах по Балаклавскому шоссе. Под эгидой Освиахима мы учились рыть щели, оказывать помощь раненым. Кроме того, в школе работал радиокружок по изучению азбуки Морзе. А главное – мы верили в нашу силу и непобедимость в борьбе с фашизмом.

И еще я очень хорошо помню, как перед самым началом войны в одном из предвоенных номеров севастопольской газеты

“Маяк коммуны“, было напечатано опровержение ТАСС о якобы скоплении фашистских войск на границе с СССР...

Начались ожесточенныеочные бомбейки, а Севастополь стал практически фронтовым городом. Началась героическая эпопея обороны Севастополя. Под руководством Горкома комсомола мы стали помогать взрослым: разносчики повестки по призыву мужчин в армию, дежурили на объектах города, а потом помогали встречать и обустраивать беженцев, в основном, из Одессы. Мы обходили разрушенные бомбейкой дома, находили раненых, помогали им добраться до госпиталя.

А еще (теперь это вспоминать смешно) мы “ловили диверсантов и шпионов“, которые, якобы, пробирались в город. Обычно нашими “жертвами“ становились мужчины в шляпах и очках, и мы их тащили в милицию. Но чаще всего мы помогали рыть щели во дворах, чтобы было где спрятаться во время бомбейек. Вскоре наши соученики – мальчики составили основную часть комсомольского партизанского отряда в районе мыса Фиолент.

Судьба многих из них оказалась трагической: по наводке предателей немцы ночью напали на отряд и почти всех расстреляли. Там погиб и мой друг Сережа Собченко. А тихий, молчаливый Жора Гузов, еще один мой одноклассник стал героем севастопольского подполья. Храбро защищали Родину Владимир Суржиков, Вадим Паллер, Гарик Круглов и другие мои школьные

товарищи. Будучи медсестрой в Инкерманском госпитале погибла моя подружка Верочка Зеленина. Лично мне посчастливилось после эвакуации добровольно пойти на фронт, дойти до Берлина и оставить на Рейхстаге надпись: “ За родной Севастополь ! “

МОЯ СЛУЖБА В ПЕРВОЙ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ

Эвакуация из Севастополя привела нас с мамой в Усть-Каменогорск. Я продолжала учебу, участвовала в строительстве ГЭС, работала в органах МГБ. Вскоре я добровольно подала заявление о желании идти на фронт. Мою просьбу удовлетворили и вызвали в Москву. Там я прошла кратковременную подготовку и неожиданно для себя получила назначение в Первую Польскую Армию, которая к этому времени подошла к границам Украины и вела вместе с советскими войсками ожесточенные бои под Луцком.

Летом 1944 началась моя фронтовая служба. Я была “жолнежем”, т.е. солдатом в соответствующей польской форме с конфедераткой. Мы входили в состав Первого Белорусского фронта. У нас были не только поляки, но и русские, украинцы и евреи. Говорили по-польски.

Было страшно, положение усугублялось жестокими нападениями бандеровцев. Наша часть размещалась совместно с отделением связи, где я служила. Так мы и прошли до самого Берлина. Конечно, война – это прежде всего боевые операции. Но это также и обеспечение солдат едой, оружием, это и штабы, и прачечные, медицина и связь. Фронтовики знают значение

переписки с домом и цену этих писем. Без них солдат и воевать не мог. Все виды связи на войне работали круглосуточно, несмотря на бомбежки и артобстрелы. Это был настоящий ратный труд. У каждого отдела связи были свои непосредственные задачи. Мне приходилось иметь дело с очень важными документами...

Запомнились бои за Люблин. Это был первый освобожденный большой польский город. Радостно встречали нас поляки, девушки целовали и забрасывали цветами. Мы тогда плохо разбирались в международной политике, не знали о драке за власть, за строй. Но искренне радовались, когда была утверждена и провозглашена в Любlinе Польская Народная Республика (я была на этой конференции). А потом в истории освобождения Польши наступили страшные дни. Это сейчас мы знаем причину трагедии в Варшаве, восстания и уничтожения города-красавца. А тогда в сентябре 1944 мы стояли на берегу Вислы, в предместье под названием Прага, и не понимали, что происходит. Варшава горела, ее бомбили и обстреливали, в Вислу бросались люди, чтобы в этом кромешном аду переплыть на другой берег. Река казалась красной от крови и огня. Люди кричали, звали на помощь. А мы стояли беспомощные, в шоке. Восстание в Варшаве захлебнулось в крови. Только в конце января 1945 года мощный удар всего фронта дал возможность войти в Варшаву.

Есть в моей памяти особо страшные воспоминания: освобождение лагеря смерти Майданека. Когда мы вошли в него, еще дымились печи, в которых были сгоревшие люди...

Удушающий запах горелого человеческого мяса долгие годы преследовал меня. Горы волос, обуви, фотографий, свора овчарок, колючая проволока, страшные бараки и заключенные, вернее призраки, бежавшие нам навстречу. Они кричали и плакали. Видеть и слышать это было невыносимо...

2 мая 1945 года наша часть вошла в Берлин. Из окон домов еще свисали полотнища со словами “Берлин останется немецким”, а по улицам города шли советские танки, артиллерия, пехота. Удивительно, но в этот день нам удалось зайти в рейхсканцелярию Гитлера. Под зданием было 3-х-этажное убежище, и в этом бункере еще оставались недобитые фашисты. А мы с гордостью, не веря своим глазам, шли по главному залу с огромной свастикой, зашли в кабинет Гитлера, поднялись на чердак, заваленный немецкими орденами. Потом вышли в сад и слева увидели яму с двумя обгоревшими трупами. Нам сказали, что это Гитлер и Ева Браун. Затем мы сфотографировались у памятника Вильгельму и расписались на колоннах Рейхстага.

БЕРЛИН АПЛОДИРОВАЛ СЕВАСТОПОЛЮ

Я ничего не придумала. Все было на самом деле. Это случилось 2 мая 1945 года к вечеру. В Берлин вошли советские войска и I-ая Польская Армия, в составе которой начиная с 1944 года я сражалась с немцами. О боях я писать не буду, “о них все сказано”. Это была долгожданная победа. Что меня удивило, так это электрический свет в домах Берлина, работающие рестораны,

сидящие в них городские жители и играющие оркестры. Не долго думая, командир нашей части приказал нашему подразделению остановиться и зайти в один, ярко освещенный и удивительно хорошо сохранившийся ресторан. Конечно, нам очень хотелось кушать, но за ресторан надо же платить... Да и помыться бы не мешало. Но раз был приказ командира, мы в военной форме и сапогах (неумытые и непричесанные) все же вошли туда.

Потом мы даже пели и танцевали, совершенно не думая, как отнесутся к нам жители Берлина. В какую-то минуту я все же взглянула на присутствующих там людей и увидела небольшую группу в советской форме. Среди них были девушки. И вдруг одна из них встала и, буквально крича мое имя, бросилась ко мне. Это была Аника, моя подруга по севастопольской балетной студии! Наверное, это потрясло не только меня. Еще бы! Две девушки, в советской и польской форме, с наградами на кителе, встретились в Берлине и обе из Севастополя! И тогда все присутствующие берлинцы встали и, аплодируя, стали кричать “Себастополь, Себастополь”! Кто-то, наверное, им объяснил, что мы из Севастополя. Это были аплодисменты героическому городу и его мужественным защитникам. Потом оркестр стал играть, и мы танцевали. А на следующее утро мы были у рейхстага, где я оставила надпись “За родной Севастополь!”

КЕРЧЕНСКАЯ, 5

Впервые я познакомилась с этим скромным частным домиком еще до войны. В нем жила семья моего будущего мужа Игоря и его родственники.

Вообще история дома начинается с окончания Крымской войны 1854-1855 годов. Тогда участник обороны Севастополя Андрей Кондратьев, пррапрадед моего мужа, получив право на строительство дома, воспользовался этим. Так появилась Керченская, 5. Главное здание дома, очень красивый особняк, сгорел во время немецкой бомбёжки 1941 года. Но все остальные пристройки сохранились. В них после войны проживала семья тетушки Игоря Веры Зарубиной.

Но вернемся в довоенный период. Я познакомилась с Игорем в сентябре 1940 года. У меня была подруга Дина. Мы жили рядом на Мучном переулке. Дина училась в одном классе с Игорем и считала его “своим вторым братиком”. Возраст у нас был уже такой, что мы мечтали о любви. В то время дружбы Дины добивался ученик 10-го класса Вова Петрушкевич. Дружба, в основном, заключалась в совместной прогулке вечером по ул. Фрунзе (теперь Нахимова), а также в походах в кино, театр, цирк и, конечно, на танцы. Дина стеснялась ходить одной с Вовой и предложила мне познакомиться с его другом – Игорем.

Знакомство состоялось, и мы, теперь вчетвером, прогуливались по левой стороне улицы (это была молодежная сторона), счастливые, окрыленные и “гордые” от того, что у нас

есть “кавалеры”. Мы с Диной тщательно готовились к этим свиданиям, укладывали наши косички поверх головы, а сзади закалывали большой бант. Очень красиво! Я чувствовала, что нравлюсь Игорю. Он был очень эмоциональным юношей и хотел поскорее объясниться мне в любви. 6 октября был день его рождения, 16 лет! Уже взрослый! Его родители накрыли стол, а сами ушли, оставив всю нашу компанию. Вскоре Игорь куда-то исчез, а затем Вова сказал, что у Игоря заболело сердце, он лежит в темной спальне и просит меня прийти к нему. Я пришла. И тут внезапно он стал меня обнимать, говорить о своей любви, пытался поцеловать и сунул мне в руку записку (это было очень красивое признание в любви, я долго ее хранила). Мне было еще 15 лет, я была тогда еще не готова к таким событиям, поэтому просто убежала от него. Щеки мои горели, все присутствующие это видели. Вскоре Игорь вышел из спальни, сел около меня. Мы были просто невменяемыми. Так на Керченской, 5 началась моя долгая любовь...

СЕМЬ КРУГОВ АДА

Война застала юного севастопольца Игоря Яковлевича Беднарчика в тот момент, когда вчерашний школьник строил свои планы на светлое будущее. Все резко изменилось. Как и многие другие севастопольские мальчишки, он сразу пошел в военкомат.

Но в 17 лет еще на фронт не брали. Тогда он кинулся в горком комсомола выполнять любые поручения по обороне города. В

августе организовали комсомольский истребительный отряд у мыса Ай-Тодор, куда вошли и комсомольцы-старшеклассники. Ожидали немецкий десант, готовились ловить диверсантов. В этот отряд был зачислен и Игорь. Командир во время учебных стрельб заметил, что Игорь не попадает в мишень. Выяснилось, что у него большая близорукость, а очки остались дома. Командир немедленно послал его в Севастополь за очками... и этим спас ему жизнь. В эту роковую ночь на отряд напали немцы-десантники, которых по горным тропам провели к отряду предатели. Весь отряд был вырезан. Когда Игорь с очками на попутных вернулся на базу, он увидел страшную картину, а подробности ему рассказали два парня, стоявшие на посту в эту ночь на дальних рубежах. Потом Игорь вновь просился на фронт, в военное училище и всегда получал один и тот же ответ: “Севастополь не будет сдан врагу никогда и вы нужны здесь. Отъезд – измена.”

Вскоре он стал рассыльным при штабе, который находился на улице Карла Маркса под кинотеатром “Ударник”. На своем стареньком велосипеде под бомбежками и артиллерийском обстрелом он развозил по частям распоряжения и приказы. Столько ужасов насмотрелся, столько смертей! В это время авиабомбой был убит его отец... Севастополь лежал в руинах. Дом на Керченской был разрушен. В город вошли немцы. Они беспощадно расправились с брошенными начальством моряками на мысе Херсонес, а молодежь немедленно стали отправлять в Германию. Игоря забрали и увезли на завод под Лейпциг. Он мужественно

перенес и голод, и холод, и издевательства. Освободили его американцы. До сих пор хранится записка, которую он передал маме с каким-то советским офицером. В этой записке была такая радость освобождения, такое счастье звучало в каждом слове! Он свободен! Он едет на Родину! Он зачислен в полк с такими-то литерами! Боже мой, он не знал всей правды, не мог даже представить себе, что его ждет. Позже он рассказывал, как во время передачи их советским властям, на их несчастные головы обрушились оскорблении и обвинения в измене. Но ужаснее всего было, когда их, как скот, погрузили в вагоны и без остановок везли аж до Перми. Еще шла война, им ведь обещали взять в армию добивать фашистов, а на самом деле везли во второй концлагерь, на этот раз советский! Работали эти изможденные люди на лесоповале. Раздетые, голодные, в сорокоградусный мороз! Но главное – за что? На душе было очень тяжело. Возможности вырваться, увидеть маму не было.

Так прошло два года. Вдруг один офицер, ехавший в Москву за каким-то оборудованием, решил взять Игоря с собой подсобным рабочим. На одной из станций офицер “вдруг” куда-то отлучился. Игорь решился на побег! В Москве у него жил дядька, адрес он помнил, верил, что дядя Коля его спасет. Но случилось самое страшное: тот самый любящий своего единственного племянника дядя Коля испугался за свое кресло, за свой партийный билет, за свою сытую жизнь. Он отказал Игорю в убежище, дал какую-то сумму денег и выгнал...

Что делать? Игорь пошел на вокзал, и началась его железнодорожная эпопея в Севастополь. На худенького парня милиция не обращала никакого внимания. Документы не проверяли, ведь шло великое возвращение людей с войны. Так Игорь добрался до Бахчисарая. Но въезд в Севастополь - только по пропускам! У Игоря был служебный телефон его отчима Булина Павла Алексеевича. Он позвонил. Его мама Татьяна Ивановна немедленно выехала в Бахчисарай. Там она наняла подводу с сеном, спрятала туда сына и таким образом провезла его в Севастополь. Это был подвиг матери! Она откорнила его, залечила раны, но главная опасность была впереди. Из Перми в милицию Севастополя пришел запрос. Игоря начали искать. И вновь мать спасает сына. Она договаривается с хирургами больницы, где работает медсестрой, и они делают Игорю фиктивную операцию. Разрезали живот, зашили и оформили страшный диагноз. В больницу нагрянула милиция, но все документы были безупречны. Ему дали инвалидность I группы и оставили в покое.

Он поступил в Крымский пединститут и стал блестящим учителем физики. Но всю свою жизнь мой муж не мог простить ту смертельную обиду, которую ему и сотням тысяч таких, как он, нанес сталинский режим.